

ВОЙНЫ В СТРУКТУРЕ МИРОВЫХ ПОРЯДКОВ

© ФЕНЕНКО А.В., 2022

ФЕНЕНКО Алексей Валериевич, доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596

Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков. *Анализ и прогноз.* Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 3, сс. 13-36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36

DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36

УДК: 327

Поступила в редакцию 09.07.2022.

После доработки 20.08.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В современной политической науке растет интерес к изучению циклического характера мировых процессов. Методология циклизма, популярная в социологии первой половины XX в., но отвергнутая либеральной традицией 1950-х годов, в наши дни переживает возрождение. Одной из тенденций политологии и науки о международных отношениях стало изучение циклического характера военной истории: милитаристских “волн”, или “циклов” повторения войн. В данном исследовании автор предпринимает попытку увязать проблему цикличности войн с теорией мировых порядков.

За основу методологии статьи автор берет теорию немецкого классика военной истории Карла фон Клаузевица о повторяемости тотальных и ограниченных войн. Эти войны различаются, согласно Клаузевицу, политическими целями: тотальная война направлена на уничтожение противника как политического субъекта, ограниченная война – на принуждение противника к компромиссу. В статье предпринята попытка объединить теорию чередования тотальных и ограниченных войн с теорией мировых порядков как совокупности правил и норм межгосударственного взаимодействия в определенный исторический период.

Автор доказывает, что тотальные и ограниченные войны играют различную роль в истории международных отношений. Тотальные войны разрушают предшествующие мировые порядки и создают новые. Эти войны определяют новое соотношение сил: новые правила взаимодействия и новую легитимность мирового порядка. Ограниченные войны выступают механизмом системного регулирования мирового порядка: войнами за корректировку баланса сил. Механизм цикличности войн выступает, таким образом, результатом логики саморазвития мировых порядков.

Ключевые слова: теория международных отношений, мировой порядок, баланс сил, теория цикличности войн, Карл фон Клаузевиц, история международных отношений, тотальная война, ограниченная война.

WARS IN THE WORLD ORDERS' STRUCTURE*Received 09.07.2022. Revised 20.08.2022. Accepted 20.10.2022.*Alexey V. FENENKO (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596,

School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-52, Moscow 119991, Russian Federation.

In modern political science, there is an increasing interest in studying a cyclic nature of global processes. The methodology of cyclism, popular in sociology in the first half of the 20th century but neglected due to the 1950s liberal tradition, is seeing a renaissance nowadays. One of the tendencies in political science and international relations has been research on a cyclic pattern in military history: militaristic 'waves' or 'cycles' of repetitive wars. In this study, the author makes an attempt to link the problem of war being a cycle with a theory of world orders.

As the basis of the article's methodology, the author chooses a theory of a German military history classic Carl von Clausewitz about total and limited wars repeating. According to Clausewitz, these wars differ in political goals: a total war is aimed at destroying an enemy as a political entity, while a limited war aims at forcing an enemy to compromise. In the article an attempt is made to merge the theory of alternation of total wars and limited ones with the theory of world orders as a set of rules and norms of interstate cooperation in a certain historical period.

The author proves that total and limited wars play different roles in the history of international relations. Total wars mean the destruction of established world orders and the creation of new ones. These wars determine the new balance of power: new rules of cooperation and new legitimacy of world order. Limited wars serve as a mechanism of regulating world order: wars for adjustments in the balance of power. Thus, the cyclic mechanism of wars appears to be a result of world orders' self-development logic.

Keywords: *international relations theory, world order, balance of power, theory of war cycles, Carl von Clausewitz, history of international relations, total war, limited war.*

About the authors: *Alexey V. FENENKO, Doct. Sci. (Polit.), Professor, Chair of International Security, School of World Politics.*

Российская специальная операция на Украине придала новую остроту дискуссиям о возрождении прямых войн между великими державами [1; 2]. Они, правда, возобновлялись после каждой волны военных конфликтов на протяжении последних тридцати лет, будь то Балканы, Кавказ или Ближний Восток. Однако теперь речь идет не просто о военных действиях с вовлечением великих держав на территориях какой-то страны, но о войнах, сопоставимых по численности сухопутных вооруженных сил с проведением крупных наземных операций – ситуация, аналогов которой не было в Европе после Второй мировой войны. Конфликт при этом получает серьезную эскалацию в связи с поставками странами НАТО оружия Украине и участия их наемников в военных действиях, что само по себе заставляет пересмотреть сложившиеся модели теории эскалации.

Такая ситуация ставит под сомнения все схемы “ядерного сдерживания” и “стратегической стабильности”, выработанные в прошлом веке [3]. Они базировались на двух эмпирически недоказанных аксиомах, что 1) любая война между великими державами неизбежно станет ядерной и 2) ядерную войну невозможно выиграть. Между тем уместно вспомнить, что в прошлом существовали длительные периоды времени, когда великие державы не вели между собой прямых войн, несмотря на отсутствие у них ядерного оружия. Эти периоды “долгого мира” сменялись новыми волнами военных конфликтов высокой степени интенсивностей между великими державами.

В данной статье будет предпринята выделитель механизм подобной цикличности войн (некоторые тезисы были изложены автором в [4]) и показать, какую роль играют разные типы войны в структуре мировых порядков.

ТЕОРИИ ЦИКЛИЧНОСТИ ВОЙН

Идею циклического характера войн обосновал в начале XIX в. немецкий военный исследователь Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Помимо формулы “война есть продолжение политики другими средствами”, он выделил два типа войн, отличающихся друг от друга по политическим задачам, которые его преемники в XX в. обозначили как тотальные и ограниченные. В первом случае “вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу”. Во втором случае “ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишиться своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий” [5, сс. 59–61]. Соответственно, целью тотальной (по Клаузевицу – абсолютной) войны выступает уничтожение противника как политического субъекта; целью ограниченной войны – принуждение противника к компромиссу.

Для двух этих типов войн – тотальной и ограниченной – характерны разное соотношение политического и военного. В тотальной (абсолютной) войне “уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные” [5, сс. 72]. В ограниченной войне, напротив, преобладают политические компоненты над военными, а сами военные действия выступают подкреплением для перманентных переговоров. В таких войнах противостоящие армии могут, по мнению Клаузевица, вступать в локальные стычки и маневрировать, избегая при этом больших сражений. В абсолютной войне ставка делается на крупные мобилизационные контингенты (“большие батальоны”); в ограниченной войне – на небольшие профессиональные армии (“меткие стрелки”).

Центральная идея немецкого стратега заключалась в чередовании тотальных и ограниченных войн. “В 90-х годах прошлого (то есть XVIII – **Авт.**) столетия произошел замечательный переворот в европейском военном искусстве; из-за него часть достижений лучших армий утратила всякое значение. Начали достигаться такие военные успехи, о размерах которых раньше не имелось вовсе представления...”, – писал Клаузевиц [6, сс. 38–41] о переходе к тотальным войнам в период Французской революции. Войны будущего виделись немецкому стратегу как народные войны, когда “не король воюет против короля и не армия против армии, но один народ против другого, а в народ включены и король, и армия”. Однако в более ранний период преобладали иные типы войн: “Фридрих Великий ни в один момент семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и конечно неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII. Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале – и они заключили мир” [5, с. 66]. Спускаясь еще глубже в историю, Клаузевиц обнаружил там тотальную Тридцатилетнюю войну (1618–1648) с характерными для нее целями на сокрушение противника и перемалыванием в течение длительного времени крупных масс пехоты. Возникает своеобразное чередование в европейской истории тотальных (абсолютных) и ограниченных войн, то есть возвращение к определенному военному стилю.

Объяснить механизм этого чередования двух типов войн Клаузевиц не мог и даже не ставил своей задачей. Только в XX в. развитие социологии породило несколько теорий, объясняющих циклический характер смены тотальных и ограниченных войн.

1. *Теория военно-технических новаций.* Ее автором выступил американский политолог Филипп Куинси Райт (1890–1970). В 1942 г. он опубликовал работу “Исследование войны”, в которой выделил несколько военных циклов, зависящих от уровня технологического развития [7, pp. 293–294]. К. Райт выделил на материале европейской и американской истории периоды “первичного усвоения огнестрельного оружия и религиозных войн” (ок. 1450–1648), “профессиональных армий и династических войн” (1648–1789), “войн индустриализации и национализма” (1789–1914) и “авиационно-тоталитарных” (с 1914 г.). Возникало четыре милитаристских стиля продолжительностью около 150 лет с возможным продлением “авиационно-тоталитарного периода” на будущее. Однако теория К. Райта содержала в

себе две проблемы. Во-первых, она не могла объяснить причины чередования тотальных и ограниченных войн. Во-вторых, циклы Райта были скорее периодами военно-технического развития войн, а не их циклического характера.

2. *Поколенческая теория войн*, развитая английским историком Арнольдом Джозефом Тойнби (1889–1975). По его мнению, военный цикл длиной около 120 лет проходит в своем развитии четыре фазы: “прелюдия”, “великая война”, “передышка”, “эпилог” и “всеобщий мир” [8, pp. 255, 326]. Цикл охватывает в среднем жизнь четырех поколений, когда люди первого и второго поколения помнят опыт “великой войны”, а представители третьего и четвертого поколения его забывают. Здесь, правда, также возникает несколько возражений: 1) причины выделения именно четырех поколений, которые должны пройти цикл от “великой войны” к “великой войне” и 2) неопределенность критериев выборки автором военно-политических сюжетов для обоснования своей теории.

Последователи А. Дж. Тойнби попытались упорядочить его наблюдения. Так, американский международник Джошуа Голдштейн предпринял попытку упорядочить отбор сюжетов [9], в частности, увидеть истоки Второй Мировой войны в европейских революциях 1848 г. Еще дальше пошел американский неореалист Уильям Томпсон, выделив четыре цикла “великих войн” Нового времени: голландско-испанские (ок. 1580–1609), войны Великого альянса (1688–1713) с французским королем Людовиком XIV (1643–1715), Наполеоновские войны (1792–1815) и мировые войны XX в. (1914–1945) [10]. Произвол подобной выборки сюжетов бросается в глаза: почему, например, локальные голландско-испанские войны значимее Тридцатилетней или англо-голландских, а войны “Великого альянса” важнее Семилетней (1756–1763), автор оставил без пояснения. Равно как и вопрос сопоставимости локальных голландско-испанских войн с Наполеоновскими войнами или мировыми войнами XX в.

Более интересны в данном контексте наработки российского международника Н.А. Косолапова в области теории легитимности. Согласно его точке зрения, в основе любой политической системы (включая международную) должно лежать некое легитимизирующее ее событие. Таковыми, например, были Наполеоновские войны для Российской империи XIX в. или Октябрьская революция для СССР. Легитимизация в данном случае предполагает: 1) право победителей на осуществление власти от имени победы в войне; 2) признание социумом (в широком смысле) законности этой власти. «Энтропия системы при ее “жизни” означает не что иное, как расходование заложенного в ней (отведенного ей) времени», – отмечал он [11, с. 47]. Через несколько поколений “великая война” перестает восприниматься как событие, легитимизирующее существующую систему отношений, и тогда новым поколениям требуется новый крупный конфликт как источник и основа новой легитимности.

3. *Экономическая теория военных циклов*. Ее представители основывали свои расчеты на циклах производства, выделенных советским экономистом Н.Д. Кондратьевым (1892–1938). Он разработал концепцию периодических циклов, сменяющихся подъемов и спадов современной мировой экономики продолжительностью 45-60 лет [12]. Эти волны получили в экономической науке название “циклы Кондратьева” (К-циклы или К-волны). Внутри своего цикла Н.Д. Кондратьев выделял четыре фазы: роста, вершины, снижения и депрессии. С тех пор в литературе появилась целая серия публикаций о неизбежности возникновения тотальных (мировых) войн то ли в повышательной, то ли понижательной войны К-цикла. Здесь исследователи пока не пришли к консенсусу, как и в вопросе о самой природе и длительности К-циклов [13; 14], а следовательно, их влияние на возникновение войн остается гипотетическим.

4. *Теория чередования эталонов победы*. Ее развивал отечественный политолог В.Л. Цымбурский (1957–2009) в теории сверхдлинных военных циклов (СВЦ) [15]. По его мнению, два эталона победы, выявленные К. фон Клаузевицем, формируют в истории Нового времени два сверхдлинных военных цикла (СВЦ) – депрессивный и экспансивный – продолжительностью в 150 лет. Первый проходит по логике развития “редукция больших гегемонистских целей к локальным задачам: ограниченные войны на сделку – стратегический пат”; второй развивается по логике “постановка больших задач – гонка

вооружений – тотальная война”. В истории Нового времени В.Л. Цымбурский выделял три депрессивных (середина XIV–XV вв., середина XVII–XVIII вв., середина XX – н.в.) и два экспансивных (XVI – середина XVII вв. и XIX – середина XX вв.) цикла. По расчетам автора, в начале XXII в. наступит новый экспансивный цикл, когда войны на сделку сменятся новым туром войн на сокрушение.

Несмотря на подкупающую логичность, теория Цымбурского зачастую противоречит историческим фактам, приведенным автором. В войнах первой половины XV в. (Столетней и Гуситских), отнесенных Цымбурским к “депрессивному протоциклу”, один из противников ставил перед собой задачу полной ликвидации другого. Войны XVI в. (от Итальянских до Ливонской) чаще завершались компромиссом, чем ликвидацией противника, хотя автор отнес их к “экспансивному протоциклу”. Войны XIX в., отнесенные автором к “экспансивному СВЦ”, также были ограниченными по целям, театру военных действий (ТВД) и использованным противниками силам. «Все это время стратеги, воспитанные на наполеоновских образцах и на Клаузевице, тем не менее либо вовсе не воюют, либо воюют достаточно локально, с подверстываемыми под идеал “абсолютной” войны довольно-таки компромиссными результатами. Единственное исключение составляет франко-прусская война 1870–1871 гг. на пределе столь же единственной за все эти 80 лет кондратьевской повышательной волны», – писал сам В.Л. Цымбурский. Одна тотальная война за целое столетие (до и та завершившаяся победой-“сделкой”) позволяет усомниться в экспансивной природе данного военного цикла.

Гораздо реалистичнее в этом вопросе выступает К. Райт. Слово заочно полемизируя с В.Л. Цымбурским, он отмечает: “Британия не вмешивалась в войны за объединение Италии и Германии в середине XIX в. и незначительные войны на почве национализма в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге, а также на Балканах. Участие Британии в Крымской войне объясняется ее попыткой сдержать российскую экспансию. Действительно серьезными войнами XIX в. были гражданские войны в Соединенных Штатах и Китае, война Лопеса... в которой объединились Бразилия, Аргентина и Уругвай с целью остановить усиливающееся влияние парагвайского диктатора, практически истреблявшего население Парагвая...” [16, сс. 385-386]. Все это мало укладывается в экспансивный цикл Цымбурского “от Вальми до Хиросимы”, с якобы характерным для него “наполеоновско-клаузевицевским” эталоном победы.

5. *Теория гегемонистских циклов.* Ее основателем можно считать видного американского политолога Иммануила Валлерстайна (1930–2019), согласно которому тотальные войны – это войны, происходящие в период упадка гегемонии определенной страны. Валлерстайн выделял три гегемонистских цикла Нового времени: голландский (1618–1672), британский (1792–1896) и американский (1914 – н.в.) [17]. Каждый из этих циклов гегемонии проходил три этапа: великая война, возвышение и гегемония великой державы и ее падение. Выборка сюжетов, правда, вновь остается сомнительной: автор не упоминает о французской гегемонии XVII–XVIII вв. и по не ясным причинам считает гегемоном XIX в. Великобританию, не имевшую крупной сухопутной армии для проецирования силы. Трудно сказать, почему автор считает 1914 г. началом американской гегемонии, учитывая, что США после Первой мировой войны вывели войска из Европы и остались без каких-либо крупных приобретений.

Подобные трудности характерны и для циклов в мировой политике, выделенных американским политологом Джорджем Модельски (1926–2014). Эти циклы занимают, по его мнению, период в 90-125 лет и в основе их лежит лидерство определенного государства-нации [18]. Цикл Модельски проходит в своем развитии следующие фазы: 1) национальное государство становится глобальным лидером и 2) сталкивается с проблемами, созданными государствами-“челленджерами” (англ. *challenge* – “бросать вызов”) [19]. Государства “челленджеры” не становятся лидерами, но расшатывают гегемонию, что и приводит к тотальным войнам. Державами, которые сумели в определенный исторический период выдвинуться на роль глобального лидера, были Португалия, Голландская республика, Великобритания и США, а челленджерами соответственно – Испания, Франция и Германия. Однако в “циклах Модельски” можно сразу отметить две методологические натяжки, а возможно, и ошибки.

Во-первых, Дж. Модельски переносит современные политические конструкции на прошлое. Например, в ходе испано-португальских войн XVI в. Испании как субъекта еще не существовало – она была составной частью “империи Габсбургов”, в которую помимо унии Арагона и Кастилии входили также их владения в Латинской Америке, Священная Римская империя германской нации, Сицилийское и Неаполитанское королевства, Нидерланды. Франция в конце XVII в. боролась не с Великобританией, а с унией Англии и Голландии. Кроме того, некорректно отождествление Священной Римской империи и Германии – наследником первой была не Германия в ее современном понимании, а Австро-Венгрия, куда в 1866 г. “ушла” империя Габсбургов.

Во-вторых, Дж. Модельски фокусирует внимание на войнах за морскую гегемонию, то есть за “морскую мощь”. Однако гегемония не тождественна господству в Мировом океане: Великобритания XIX в., несмотря на морскую гегемонию, терпела сохранение в Европе системы баланса сил и не имела ресурсов на ее слом. В XX в. с появлением концепции “воздушной мощи” этот тезис и вовсе был поставлен под сомнение. Выборка сюжетов вновь остается слишком произвольной для анализа.

Особняком в этом группе стоят исследования проблематики войны в китайской истории. Еще английский математик и физик Льюис Фрай Ричардсон (1881–1953) утверждал, что Китайская цивилизация до революции 1911 г. была намного более мирной, чем западная, благодаря дальневосточным религиям – конфуцианству, буддизму и даосизму [20]. Продолжателями его исследования выступили Дэвид Дж. Крус, Эдвард А. Нельсен и Джеймс М. Уэбб: они сравнили с точки зрения военной активности три века Западной цивилизации (1600 – 1945) с “Темными веками” китайской цивилизации (220–618). Результат оказался показательным: “в Китайской цивилизации, когда доминировала конфуцианская философия, мир длился значительно и дольше, чем на Западе. Когда конфуцианство было отброшено, частота войн увеличилась, что наблюдается в западных странах” [21]. Можно усомниться в этом выводе благодаря новейшим исследованиям по истории Юго-Восточной Азии: например, о войнах “Кхмерской империи” (“Камбуджадеш”) XII в. [22] Однако для нашей темы важнее иное: цикличность войн выступает, видимо, продуктом западной культуры и охватывает незападные регионы мира лишь в той мере, как они включались в ее орбиту.

ПИКИ ТОТАЛЬНЫХ ВОЙН

Теория мировых порядков позволяет установить характер данной циклической системы, ускользавшей прежде от исследователей. Современная наука о международных отношениях рассматривает мировой порядок как совокупность норм и правил, определяющих характер отношений между национальными государствами в определенный исторический период. *Мировой порядок возникает по итогам тотальной войны: она устанавливает новое соотношение сил и иерархию государств, утверждает выработанные ими нормы и придает новую легитимность принципам межгосударственного взаимодействия. Соответственно, мировой порядок разрушается по итогам новой тотальной войны, уничтожающей его основы и создающей новое соотношение сил и новые правила взаимодействия между великими державами.*

Такая логика развития мирового порядка запрограммирована его нормативной и производной от нее институциональной основой. Еще классик британской школы Хэдли Булл (1932–1985) в работе “Анархическое общество” (1977) предположил, что мировой порядок – это набор определенных моделей поведения между государствами [23, pp. 2-3]. Его мысль развил американский политолог Бентли Аллан, полагавший, что порядок – это “устойчивые модели поведения и отношений между государствами и другими международными субъектами” [24, p. 5]. Но если это так, то на границе мировых порядков должны происходить сначала слом устойчивых сложившихся правил и моделей поведения, а затем формирование новых правил взаимодействия.

В политической науке зафиксированы три всплеска тотальных войн [25], создавшие устойчивые мировые порядки: 1) Тридцатилетняя война (1618–1648), сформировавшая

Вестфальский порядок; 2) войны Французской революции и Наполеоновские войны (1789–1815), создавшие Венский порядок; 3) мировые войны XX в. (1914–1945), установившие наш Ялтинский порядок. Фактически эти “тридцатилетние войны” были не единой войной, а эпохой тотальной борьбы великих держав и были периодами слома старого мирового порядка и построения нового. В их ходе происходили:

- изменение (причем радикальное) соотношения сил между великими державами;
- формирование нового состава великих держав;
- изменение государственных границ и переформатирование политической карты;
- аннулирование предшествующей международно-правовой базы;
- создание победителями новой международно-правовой основы, начинающееся как правило в ходе тотальных конфликтов;
- становление новых основ международной и внутривнутриполитической легитимности.

“Тотальные войны” не просто отменяют предшествующие правовые системы и формируют новые: они меняют легитимность политических систем. На международном уровне итоги тотальных войн делают легитимными новое соотношение сил и новую правовую систему. На внутривнутриполитическом уровне итоги очередной “Тридцатилетней войны” делают легитимными правовые системы держав-победительниц, а также превращают их в эталон для остального мира. Установившее соотношение сил в мире (прежде всего силовых потенциалов) и институты нового мирового порядка освящены победой в “Великой войне”, то есть в тридцатилетнем туре тотальных войн.

Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) выделял три типа легитимности государственной власти: традицию, харизму и рационально-правовую основу [26, сс. 47, 63]. Эта классификация, как доказал немецкий социолог Юрген Хабермас [27], не подходит для международно-правовых систем, одной из которых выступает мировой порядок: в их основе должен лежать рационализм. Однако и у Вебера, и у Хабермаса в стороне оставался важный вопрос: “Почему та или правовая система принимается большинством государств в определенный исторический период?” Ответ на него попытался дать американский дипломат и историк Генри Киссинджер: по его мнению, порядок устанавливается (точнее, конструируется) по итогам “большой войны”, то есть победителями: легитимность порядка освящается их победой в войне [28]. *Следовательно, каждая тотальная война отменяет правовую основу мирового порядка, устанавливая новый набор норм, ценностей и уполномоченных институтов за их исполнение. Тотальные “тридцатилетние” войны создают три типа легитимности для международных отношений:*

- нормативная: итоги войны создают новую международно-правовую систему;
- морально-ценностная: итоги войны создают новую моральную шкалу оценки политических процессов;
- блокирующая: итоги тотальной войны как бы отменяют правовые системы и ценностные шкалы предыдущего порядка.

Нормативная легитимность предполагает, что данный свод международного права рассматривается как единственно-легитимный и признается в таком качестве основными участниками мирового порядка. На обозримую перспективу ни одно из правительств влиятельных государств не заявляет о том, что данную правовую систему надо ликвидировать, создав на ее основе новые правила игры. Ни советское, ни американское руководство в годы холодной войны не призывали пересмотреть Устав ООН, узаконить вновь неравенство народов и рас, разрешить великим державам перекраивать границы малых и средних стран или вернуть всем странам суверенное право свободно объявлять состояние войны. Не призывали к этому и державы второго эшелона – Британия, Франция и КНР. Аналогично в Венском порядке никто до конца XIX в. не ставил вопрос о ликвидации всех европейских империй в том качестве, как они сложилась с 1815 г. В Вестфальском порядке также ни одна из европейских держав не ставила вопрос о возвращении религии как центрального мотива и движущей силы политики. Эти итоги тотальных “тридцатилетних войн” казались незыблемыми для каждого мирового порядка, легитимизируя его право и институты.

Закреплением этой легитимности выступал культурный образ минувшей тотальной войны. Многочисленные памятники архитектуры, живописи, литературы превращали

войну в “памятное место” для самосознания ведущих держав. Версаль освещал ведущую роль Франции в Тридцатилетней войне, подводил фундамент под ее претензии на установление своей гегемонии. Британские колонна Нельсона и Трафальгар-сквер (Лондон), русские Александрийская колонна (Санкт-Петербург), Храм Христа Спасителя и Большой Кремлевский дворец (Москва), австрийская Шварценберг-плац наглядно легитимизировали и Венский порядок, и ведущую роль трех этих держав в “Венском мире”. Версальский порядок, возникший по итогам Первой мировой войны, легитимизовали памятники Неизвестному солдату в Париже и Лондоне, а также Всенародный день скорби в проигравшей Германии. Символично, что в СССР, противопоставившему себя Версальскому порядку, мемориалов Первой мировой не было¹.

Наш, Ялтинский, порядок также легитимирует множество памятников Второй мировой войны: от могилы Неизвестного солдата в Москве и Мамаева кургана в Волгограде до монумента советского солдата в Трептов-парке Берлина и ансамбля Второй Мировой войны в Вашингтоне. Все эти памятники несут в себе две смысловые нагрузки: 1) война была великой и трудной победой добра над злом; 2) международное право было установлено победителями по итогам победы в величайшей войне.

Морально-ценностную легитимность можно имплицитно почувствовать в отношении внутри данного порядка к определенным историческим событиям и явлениям. В каждом порядке существуют свои представления о легитимизирующих его событиях, к которым невозможно относиться как к “чистой истории”. В наши дни написать работу о немецком национал-социализме как сугубо-историческую (то есть морально-нейтральную) невозможно, это сразу вызовет волну упреков в “оправдании” или “романтизации” нацизма. Аналогично в XIX в. было сложно написать работу о Наполеоне Бонапарте или, тем более, о Великой Французской революции и якобинском терроре: к ним относились как к политическим, а не просто историческим событиям. В предшествовавшем Вестфальском порядке работы о Габсбургах – императоре Карле V (1519–1558) или их политике в Тридцатилетней войне – писались скорее в негативном ключе в духе “Истории Карла V” Уильяма Робертсона. И это не было случайным: данные события легитимизировали существующий мировой порядок, и сомнения в них были подрывом порядка, подобно тому, как в наши дни это символизирует снос памятников Второй Мировой войны.

Хорошим примером может служить полемика, развернувшаяся, кстати, не только в нашей стране вокруг скандально-известной книги В. Суворова (псевдоним В.Б. Резуна) “Ледокол” (1992), согласно которой Сталин сам готовился напасть на Германию в июле 1941 г. Не вдаваясь в суть полемики, обратим внимание на ее предмет. Представим в порядке эксперимента, как некий автор написал книгу о том, что император Наполеон III (1852–1870) готовил превентивный удар по Пруссии накануне Франко-прусской войны, а император Александр II (1855–1881) допускал нанесение превентивного удара по Австро-Венгрии в период “Восточного кризиса” 1878 г. Едва ли такая книга удостоилась бы общественной полемики: максимум, на что мог бы рассчитывать ее автор, – это публикация нескольких рецензий в научных журналах, интересных исключительно специалистам по данной проблеме. Это доказывает, что Вторая мировая война по-прежнему выступает в общественном сознании не историческим, а политическим событием: она легитимизирует наш мировой порядок (включая межгосударственные границы), и ее ревизия влечет за собой не научные, а политические последствия.

Блокирующая легитимность аннулирует правовую систему прежнего мирового порядка. Принятие Устава ООН аннулировало правовые принципы Лиги Наций и предшествований им комплекс Версальских и Вашингтонских соглашений. Принятие Устава Лиги Наций в свою очередь перечеркнуло предшествующие международно-

¹ Национальным символом Первой мировой войны должно было стать Братское кладбище в Москве, открытое в феврале 1915 г. Однако после Октябрьской революции Братское кладбище потеряло свою связь с Первой мировой, став местом захоронения жертв Гражданской войны с обеих сторон и первых советских авиаторов. В 1932 г. Братское кладбище было ликвидировано, и в центральной его части бывшего кладбища был разбит парк (ныне – мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны). Это событие доказало, что СССР, противопоставлявший себя Версальскому порядку, не стремился сохранить и памятники неудачной для Советской России войны: ведь по ее итогам советское государство было по факту исключено из мирового порядка.

правовые соглашения, восходящие к Парижскому (1856) и Венскому (1814–1815) конгрессам. Решения Венского конгресса в свою очередь аннулировали предшествующую международно-правовую систему, основанную на решениях Вестфальских соглашений 1648 г. и последующих к ним дополнений. Здесь, пожалуй, лучше всего видна правовая граница между мировыми порядками: внутри мирового порядка международно-правовые соглашения принимаются в дополнение к базовым, а на границах мировых порядков происходит смена основополагающих правовых принципов.

Но блокирующая легитимность проявляется и в психологическом аспекте. Предшествующий порядок отделяется от современного “психологической стеной” – люди начинают ощущать себя “по ту сторону” от поколений, живших в предыдущем порядке. Тотальные войны как бы отделяют от нас предшествующий период, делая жизнь его поколений иной, не до конца понятной нам цивилизацией. Зачастую новые поколения теряют даже ощущение родственных связей с представителями предшествующего мирового порядка, воспринимая его людей как “чистую историю” сродни художественному фильму. (Интересный вопрос: многие ли европейцы и американцы помнят сегодня имена своих предков XIX и тем более XVIII в.?) Возникает эффект “закрытия” предшествующего мирового порядка, превращения его в прошлое, не связанное напрямую с нашим мировым порядком.

Социологи пока обращали мало внимания на столь интересное явление. Исключением здесь пока выступают работы американского социолога Питирима Сорокина (1889–1968), рассматривавшего войну в качестве “разрыва организованных взаимоотношений между государствами” [29, с. 657]. Продолжая его наработки, укажу несколько причин блокирующего влияния тотальных войн. Во-первых, общество переживает социальный и психологический шок от ведения войны: не только непосредственные ее участники, но также само общество от побочных ее эффектов – от потерь родных и близких до бомбардировок и голода. Во-вторых, тотальная война приводит к массовому перемещению людей – как территориальному, так и социальному. В-третьих, тотальные войны ведут к уничтожению застройки и памятников предшествующего мира, их заменой на новые. В-четвертых, после “военного тридцатилетия” быстро возрастает новое поколение, для которого новый стабильный порядок становится единственно возможной реальностью, а предшествующий отделен длительной “военной смутой”.

Но у легитимности мирового порядка есть запас прочности, имеющий ограниченный период. Через примерно два поколения после окончания “тридцатилетней войны” связь с ней начинает теряться ввиду естественной смерти ее участников и не менее естественного желания новых поколений жить по-новому. Этому способствует продолжающийся политический процесс в виде изменения соотношения сил между державами-победителями и / или подъема новых держав, интересы которых не были учтены при создании существующего мирового порядка. Возникает естественный запрос на новую тотальную войну, которая должна определить новое соотношение сил между великими державами, заблокировать предшествующую легитимность и создать новую.

ЭПОХИ “ОГРАНИЧЕННОСТИ”

В промежутках между тридцатилетними тотальными войнами мы можем заметить серию ограниченных войн. Для них, как справедливо определял Клаузевиц, характерны: ограничение целей, то есть принуждение противника к заключению компромисса; ведение военных действий на локальном (или локальных) ТВД; использование небольших профессиональных армий.

Эти войны сами по себе могут приобретать крупные географические масштабы и отличаться ведением боевых действий средней интенсивности, как, например, Семилетняя (1756–1763) или Крымская (1853–1856). Однако они не приводят к радикальному слому соотношения сил между великими державами, не отменяют предшествовавшей правовой системы и не затрагивают основную территорию великих держав. На системном уровне ограниченные войны выполняют ряд функций внутри существующего порядка. Во-

первых, они корректируют соотношение сил между ведущими субъектами порядка, разукрупняя ресурсы претендента на гегемонию. Во-вторых, они позволяют великим державам применять силу, не ломая основополагающих принципов мирового порядка. В-третьих, такие войны укрепляют позиции великих держав на переговорах, позволяя им выторговывать себе все более выигрышные позиции перед соперником.

Еще Клаузевиц рассматривал ограниченные войны как силовые демонстрации, нацеленные на принуждение противника к компромиссу. При наличии небольших профессиональных армий стороны не обладают возможностями для оккупации крупной территории и разгрома противника в решающих сражениях. Они не имеют и ресурсов для быстрого восполнения потерь ввиду дороговизны вооружений и длительного срока подготовки солдата-профессионала. Целью войны выступает только принуждение противника к компромиссу, что может быть достигнуто двумя путями: длительное маневрирование для истощения сил или нанесение противнику локального поражения, убеждающего его в бессмысленности продолжения борьбы.

Политические аспекты взаимодействия войн и международных отношений попытался раскрыть британский историк Алан Джон Тейлор (1906–1990), автор работы “Борьба за господство в Европе. 1848–1918 гг.” (1954). Идея Тейлора заключалась в том, что система международных отношений стабильна при наличии двух базовых условий: 1) отсутствие режимов-ревизионистов и 2) сохранение государствами статус-кво [30]. В дальнейшем эту теорию развивал классик американского неореализма Кеннет Уолтц (1924–2013), рассматривавший стабильность как способность системы оставаться в равновесном состоянии, не разрушаясь [31]. Разумеется, подобная система никогда не является застывшей раз и навсегда, на что указывали оппоненты К. Уолтца: стабильность предполагает и перманентное изменение системы без ее разрушения [32, pp. 50-52]. (Вопрос, кстати, не такой уж оригинальный: все мы помним из курса философии спор древних греков о том, что такое полет стрелы – движение или сумма состояний покоя). Ограниченная война выступает естественным инструментом поддержания стабильности: она разукрупняет ресурсы как претендента на гегемонию, так и регионального ревизиониста.

Специфика таких войн заключается в их многовариативности. Еще в середине 1990-х годов Н.А. Косолапов разделил понятия “война” и “конфликт”, показав, что в состоянии войны стороны могут находиться только в состоянии ведения военных действий или ведения переговоров о заключении мира, в то время как в ходе конфликта они могут находиться в самых разнообразных формах взаимодействия [33]. Ограниченные войны по данной классификации – классические конфликты, коль скоро они чаще всего ведутся параллельно с консультациями и переговорами о заключении мира. Эта его теория хорошо объясняет современные западные концепции “новых типов войн”, согласно которым военные конфликты после 1991 г. якобы отличаются от всех предшествующих. Для обоснования этого были выдвинуты теории:

- “новых войн”, согласно которой в современных войнах могут участвовать как государства, так и негосударственные субъекты;
- “опосредованных войн” (*proxi*-войн), согласно которой в ядерную эпоху государства воюют друг с другом через подставных субъектов;
- “асимметричных войн”, в которых великие державы воюют только с намного более слабыми субъектами;
- “гибридных войн”, якобы сочетающих в себе ведение военных действий с экономическим, дипломатическим и информационным воздействием.

Опровергнуть эти концепции ничего не стоит, ибо их авторы понимают под “классическими войнами” только тотальные войны. Но большинство войн Нового времени были гибридными, ибо сочетали в себе военные действия с дипломатическими маневрами, санкциями, информационным воздействием. В этих войнах использовались негосударственные игроки в виде наемников, каперов, иррегулярных формирований (инсургентов): достаточно вспомнить, что торговля наемниками была несколько веков уделом немецких князей, а понятие “швейцарец” означало вплоть до начала XIX в. и народ, и профессию наемного солдата. Идею опосредованных войн или “войн по

доверенности" развивали отцы-основатели США, выдавая индейским племенам патенты на ведение войны. Асимметричные войны процветали несколько веков под вывеской колониальных войн [34], что, впрочем, не меняло их содержания.

Еще интереснее популярный в американской политической теории тезис о том, что в современных военных конфликтах нет четкой линии фронта. Понятие сплошного фронта появилось только в Русско-японскую войну (1904–1905), когда вооруженные силы стали оборонять непрерывную линию длиной около 100 километров [35]. До этой войны сплошного фронта не существовало: шло свободное передвижение войск и их маневрирование на обширных пространствах. Это явление имеет объяснение: построить оборону сплошным фронтом можно только при наличии крупных по численности вооруженных сил, при войнах маленькими профессиональными армиями такой вариант невозможен. Почему в современных войнах следует говорить о переходе к чему-то новому, а не возвращению к военным конфликтам прошлого, остается непроясненным.

Здесь можно по-новому посмотреть на центральный тезис классика либеральной школы Гренвилла Кларка (1882–1967), согласно которому роль силы в межгосударственных отношениях снизилась с появлением ядерного оружия. Пожалуй, было бы уместно задать вопрос: "По сравнению с чем произошло это снижение?" Если по сравнению с периодом мировых войн первой половины XX в., безусловно, да. Но предшествующий Венский порядок знал и длительные (по 40–50 лет) периоды мира между великими державами на фоне военных конфликтов низкой и средней интенсивности, а также колониальные войны. Вестфальский порядок сформировал модель кабинетных войн, в которых стороны вели столкновения на локальных ТВД. Тридцатилетние пики тотальных войн разделяют мировые порядки, в то время как внутри мировых порядков ограниченные войны выступают нормой отношений.

Многовариативность ограниченных войн формирует гибкое понимание категорий победы и поражения. Такие военные конфликты, по справедливому замечанию В.Л. Цымбурского, завершаются сделкой, более удачной для победителя и менее удачной для побежденного. Соответственно, победа в таких войнах не совсем победа, а поражением не совсем поражение [36], что позволяет подвешивать под них практически любой результат. Это создает диапазон возможностей для элит, позволяющих использовать ограниченные войны для решения не только международных, но и внутривнутриполитических задач:

- Консолидация политической системы страны. Хрестоматийным примером здесь выступает фраза, приписываемая русскому министру внутренних дел В.К. Плеве: "Нам нужна маленькая победоносная война". Такая война на время позволяет снять напряженность в обществе или разрешить какой-то кризис за счет переключения внимания общества и создания идеологии победы².
- Перехват управления оппозиционными элитами. С таким сценарием мы встречаемся во многих ограниченных войнах Античности и Средних веков, но в Новое время они стали неотъемлемой частью даже ограниченных конфликтов.
- Ускоренная легитимизация политического режима. Чаще всего это происходит при ее острой недостаточности.
- Оправдание существования крупных бюрократических систем. Магистральной тенденцией Новой времени, как указал немецкий социолог Карл Мангейм (1893–1947), стал переход от аристократического к бюрократическому обществу [38, с. 289], что изменило характер войн. Со второй половины XIX в. власть перешла к бюрократическим группам, контролирующим всех сферы общественной жизни. Возникает потребность в ограниченных войнах как необходимой мотивации для существования крупных армий, военно-промышленных комплексов и связанных с ними институтов.

² Известный историк С.С. Ольденбург отрицал значимость этой фразы для внешней политики России, справедливо утверждая, что именно Япония была инициатором Русско-японской войны: "нет, конечно, оснований выводить из этих слов Плеве, что война, начатая Японией в наиболее подходящий для нее момент, была в какой-либо мере вызвана русским министром внутренних дел" [37, с. 197]. В контексте данной темы эта "формула Плеве" интересна нам как принцип, а не историческое событие.

“Войны по доверенности” – относительно новая и малоизученная проблема в политической науке. Она означает, что правительства двух и более государств заключили между собой заранее соглашение, согласно которому одна из сторон провозгласит себя победителем в обмен на предоставление преференций другой. Подобные войны процветали в европейском Средневековье, когда феодалитет приглашал другого короля для решения своих проблем или один король заранее соглашался уступить другому, но кодекс чести требовал обменяться несколькими угрожающими жестами. В таких войнах категории победы и поражения размываются, ибо поражение обговорено заранее и позволяет определенному сегменту элиты прийти к власти или сменить политику.

Другое дело, что в определенный момент ограниченные войны перестают соответствовать политике ведущих игроков мирового порядка: они начинают делать ставку на подготовку тотальной войны. Причины этого явления военная социология пока затрагивала лишь вскользь, хотя здесь намечается интересная диалектика военного и политического. Решить масштабные политические задачи невозможно с помощью небольшой профессиональной армии: здесь требуются крупные по численности вооруженные силы, позволяющие оккупировать территорию противника и установить там желанный политический порядок. Но для перехода к мобилизационной системе и развязыванию тотальной войны режимы статус-кво должны превратиться в режимы-ревизионисты. Получается, что переход от ограниченных войн к тотальным могут осуществить ревизионисты, вовлекая в воронку конфликта и другие державы.

Ограниченные войны тоже имеют свои закономерности развития. В начале мирового порядка происходит или уменьшение масштаба войн до региональных конфликтов или вытеснение конфликтов на периферию. В середине каждого мирового порядка происходит всплеск ограниченных войн, приобретающих более крупные масштабы. Наконец, к концу существования порядка штабная мысль как бы планирует новую тотальную войну, а междержавные противоречия снова выносятся на периферию, где происходит несколько схваток – как бы ее репетиций. В этом развитии заложена логика саморазвития мирового порядка, связанная с потерей легитимности, “запаса прочности”, которые придавали его институтам итоги предшествующей тотальной войны.

ВОЙНЫ ВЕСТФАЛЬСКОГО ПОРЯДКА

Тотальной войной, создавшей привычный нам мир национальных государств, стала Тридцатилетняя войны (1618–1648). Сама по себе она не была единой войной, а серией войн и конфликтов³. На уровне постановки политических задач и их реализации Тридцатилетняя война была скорее не чем-то новым, а завершением исторического периода, начавшего на рубеже XV–XVI вв. В Европе война стала генеральной схваткой между Габсбургами и Францией, вокруг которой группировались европейские протестанты. С военной точки зрения Тридцатилетняя война довела до логического конца обозначившееся с конца XV в. искусство войны массовыми наемными армиями [здесь и далее материалы по войнам взяты из работ: 40; 41] Европа впервые видела борьбу армий, количество которых превышало 100 тыс. чел. Но увеличение численности армии вызывало обратную тенденцию: резкое усиление огневой мощи. Реформы шведского короля Густава Адольфа (1611–1632) и французского полководца принца Конде (Людовик II де Бурбон, 1621–1686) выровняли баланс в сторону средств уничтожения за счет внедрения легких скорострельных пушек, легких мушкетов и сплошной стрельбы мушкетеров, построенных в три шеренги. Это открыло в Европе эпоху линейной тактики с ее культом огневой мощи – цепями стрелков, истребляющих друг друга с расстояния.

³ На территории Центральной Европы историки выделяют в ней Чешско-Пфальцкий (1618–1624), Датский (1625–1629), Шведский (1630–1635) и Франко-Шведский (1635–1648) периоды. Однако современные исследователи расширяют понятие Тридцатилетней войны, добавляя к ней испано-голландскую (1621–1648), англо-испанскую (1624–1630), англо-французскую (1627–1629), русско-польскую Смоленскую (1632–1634), датско-шведскую (1643–1645) войны. “Морской компонент” перенес соперничество в Мировой океан, затронув и Южную Америку, и Африку, и Юго-Восточную Азию. Английская революция (1640–1660), развернувшаяся в это время на Британских островах, также была связана с Тридцатилетней войной: начавшись как гражданская война англичан и кальвинистов она переросла в конфликт Англии с Шотландией и Ирландией, а затем с Испанией и Голландией, наложившихся на франко-испанскую войну (1635–1659). “Шлейф” этой войны тянулся вплоть до 1668 г., когда Испания признала независимость Португалии [39].

В результате Тридцатилетней войны был установлен первый порядок национальных государств – **Вестфальский**. По своей структуре он изначально был гегемонистским: в новом раскладе сил Франция стала ведущей державой Европы, которая по совокупности ресурсов превосходила остальные государства региона [42, с. 22.]. История Вестфальского порядка была по сути тремя попытками Франции установить свою гегемонию в Европе и мире. Эту закономерность отражали и войны данного периода.

Важный момент: европейцы второй половины XVII в. психологически ощущали себя “по ту сторону” войны, создавшей новый мир. В течение двух лет после подписания Вестфальского мира в германских государствах и Англии уже утверждается термин “Тридцатилетняя война”, показывающий завершенность этой тотальной войны. В немецкой литературе Мартин Опиц, Пауль Флеминг, Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсгаузен изображали Тридцатилетнюю войну как варварство, которое противоречит основам цивилизации. Того же мнения о Тридцатилетней войне придерживались деятели эпохи Просвещения. “В исторической памяти народов, переживших Тридцатилетнюю войну, она осталась самым кошмарным бедствием, апокалипсисом, который может только представить себе воображение человека”, – указывает российский историк А.И. Патрушев [43, с. 120].

На первом этапе существования Вестфальского порядка произошло возвращение к модели ограниченной войны: Франция стремилась установить гегемонию посредством локальной проекции силы. Ей противостояли коалиции с участием Священной Римской империи, Голландии, Испании, к которым постепенно присоединилась и Англия. Ни одна из сторон не имела при этом ни желаний, ни материально-технических возможностей для повторения тотальной Тридцатилетней войны. Новым типом конфликтов стали кабинетные войны, в которых стороны, обменявшись силовыми демонстрациями, принуждали противника к заключению мира как сделки – более удачной для победителя и менее удачной для побежденного. Армии в течение длительного времени маневрировали на локальных ТВД, так и не переходя к решающему сражению. Зато колоссальную роль играла культура стратегического жеста – взятие символического объекта или достижение локальной победы, что должно было принудить противника сесть за стол переговоров. В подобных кабинетных войнах широко использовались негосударственные игроки: наемники, каперы и даже “подставные армии” мелких княжеств, за спиной которых по факту действовали великие державы⁴.

На втором этапе Вестфальского порядка кабинетные войны эволюционировали в новый тип – “войны за наследство”. Их прологом выступал кризис государственности определенной страны. В ней, как правило, действовали несколько политических группировок со своими вооруженными формированиями. Каждая из этих групп имела покровителя в лице великой державы и обращалась к ней за помощью. Соперничающие державы вводили войска на территорию такой страны, ведя боевые действия только на ее территории, в крайнем случае дополняя их силовыми демонстрациями на других, чаще всего неевропейских, ТВД. Стратегия войн за наследство, как и кабинетных войн, сводилась к нанесению противнику локального поражения, убеждающего его в бессмысленности продолжения войны. Поэтому первая половина XVIII в. рождает новые представления о “великом полководце”: им становится “гений малых сил”, способный решить масштабные политические задачи с маленькой армией. Культовые фигуры того времени французский маршал Луи де Ришелье (1696–1788) и прусский король Фридрих II (1740–1786)

⁴ Переход к кабинетным войнам был неразрывно связан с победой концепции небольшой профессиональной армии, превосходящей противника огневой мощью. Эта концепция принца Конде достигла триумфа в кабинетных войнах второй половине XVII в. в связи с утверждением концепции локальных войн частью сил. Так, в ходе Деволюционной войны (1667–1668) Франция выставила только около 70 тыс. чел., из них – 50 тыс. чел. в Испанских Нидерландах и 15 тыс. чел. во Франш-Конте; ее противник Испания – армию в 30 тыс. человек. В Голландской войне (1672–1678) общие силы Франции насчитывали 253 тыс. чел., Голландии – 80 тыс. и Священной Римской империи – 132 тыс. чел. В Войне за Пфальцское наследство (1688–1697) в кампаниях участвовало не более 50-70 тыс. у каждой из сторон. Такие контингенты не имели возможности ни оккупировать крупную территорию, ни быстро продвинуться на дальние расстояния: их задачей было принуждение противника к заключению выгодного для победителя мира. Финалом этого периода стали две синхронные войны – Война за Испанское наследство (1701–1714) и Вторая Северная война (1700–1721) в Восточной Европе. По количеству участников и заявленным политическим целям они напоминали тотальную Тридцатилетнюю войну. Однако военные действия велись небольшими профессиональными армиями, на пограничных ТВД. Военные действия практически не затрагивали территории основных участников, и население воюющих стран (кроме Речи Посполитой) не видело войн. Политическое урегулирование этих войн также не вышло за рамки компромисса, подновлявшего Вестфальский порядок.

ориентировались на небольшие армии, способные одержать победы благодаря своей выучке и превосходству над противником в огневой мощи⁵.

Другой тенденцией стало разрастание театров использования военной силы: горизонтальная эскалация в противовес вертикальной XVI века. Еще со времун Войны на Испанское наследство определилось англо-французское соперничество в Северной Америке, куда в дальнейшем переносились все европейские войны. Другой центр соперничества возник вокруг Индостана, где французы и англичане пытались создать колониальные империи. Именно в этих войнах обе стороны широко использовали иррегулярные формирования: союзы индейских племен в Северной Америке, индийских раджей в Юго-Восточной Азии. Одним из инструментов борьбы оставалось расширявшее свои масштабы каперство, как средство подрыва морской торговли противника.

Вершиной и тупиком этой системы стала Семилетняя война (1756–1763). Цели сторон носили ограниченный характер – принудить противника к выгодному для себя компромиссу. Технология ведения войны также напоминала войны за наследство – военные действия в приграничных регионах. Из всех ведущих держав война затронула только территорию Пруссии, которая в этот период боролась за вхождение в клуб великих держав. Однако географический охват и интенсивность военных действий уже превращали эту ограниченную войну в глобальный военный конфликт. (Не случайно У. Черчилль назвал его “первой мировой войной”). Война завершилась компромиссом – Франция потеряла большую часть своих колоний, но при этом превратила Австрию в своего младшего партнера. Такая двойственность результатов доказала, что потенциал ограниченных войн исчерпан – следующая война будет уже тотальной.

Третий этап Вестфальского порядка, начавшийся после Семилетней войны, стал временем подготовки новой тотальной войны, в Европе между великими державами в течение 30 лет отсутствовали войны, что породило многочисленные надежды просветителей на “отмирание войн” и “вечный мир”. Между тем, в войнах на периферии великие державы присматривались к новой стратегии – войнам не профессиональными армиями, а “вооруженным народом”. Эффективность подобных нерегулярных образований доказала Война за независимость США (1775–1783), а также русско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1791), в ходе которых родилась “стратегия Суворова” – борьба с противником, слабым огнем, но обильным числом.

“Вторая Тридцатилетняя война” (1789–1815) включала в себя войны революционной Франции и логически продолжавшие их Наполеоновские войны. Подобно мировым войнам XX в. они носили всемирный характер, затронув, помимо всей Европы (включая Балканы и Скандинавский полуостров), Северную Америку, Северную Африку, Юго-Восточную Азию и даже Австралию. Подобно Тридцатилетней, это была не единая война, а серия взаимосвязанных конфликтов, завершавшихся заключением промежуточных мирных договоров. Их характерной чертой были, как и в Тридцатилетней войне, 1) тотальные политические цели участников (ликвидация противника как политического субъекта посредством смены режима) и 2) ведение военных действий высокой степени интенсивности на многочисленных ТВД.

Политические цели “Второй Тридцатилетней войны” не были принципиально новыми: они реализовывали потенциалы Вестфальского порядка. Франция, стремясь взять реванш за Семилетнюю войну, стремилась контролировать два центра мировой торговли: Ост- и Вест-Индию. На этом пути Франция вновь столкнулась с коалицией Великобритании, Австрии и России – трех держав, опасавшихся французской гегемонии. С военной точки зрения революционная Франция вернула искусство войны крупными силами. Якобинцы реализовали концепцию массовой призывной армии, способной быстро восполнять понесенные потери. Уже в 1794 г. Конвент мобилизовал 770 тыс. чел. – в четыре-пять раз больше, чем перед революцией, а в 1813–1814 гг. наполеоновский набор достиг 1.25

⁵ В битве при Фонтенуа (современная Бельгия) 1745 г. французская армия под командованием Морица Саксонского и Ришелье насчитывала, например, 48 тыс. чел. при 110 орудиях; ей противостояла англо-имперская армия в составе 53 тыс. чел. при 101 пушке. В том же 1745 г. в битве при Гогенфридберге (современная Польша) у Фридриха II было 58 тыс. чел. при 192 орудиях против имперской армии в 62.5 тыс. чел. при 102 орудиях.

млн чел. (5% населения). Французские новинки постепенно перенимаются остальными европейскими державами⁶. Такие армии уже были способны контролировать крупные пространства, что обуславливало быстроту их передвижения и оккупации ими территорий.

Итоги “Второй тридцатилетней войны” исчерпали базовые основы Вестфальского порядка. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. союзники добились своей главной цели: ликвидировали основы гегемонистской политики Франции за счет ее временной оккупации, установления лояльного им режима Реставрации и создания территориальных барьеров (Королевства Нидерландов и Швейцарии), блокирующих ее экспансию. На смену Вестфальскому порядку пришло новое соотношение сил, установленное Венским конгрессом 1815 г.

ВОЙНЫ ВЕНСКОГО ПОРЯДКА

Войны **Венского порядка** в целом повторили эволюцию войн Вестфальского порядка. В отличие от предшествующего, Венский порядок был порядком баланса сил, основанном на примерном равновесии потенциалов пяти великих держав: Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции. При этом великие державы попытались установить прообраз будущей системы коллективной безопасности, воплощенной в системе Священного союза. Европейская стабильность основывалась в его рамках на соглашениях о 1) гарантиях режима Реставрации во Франции; 2) интеграции монархической Франции в систему великих держав; 3) сохранении альянса четырех держав (Австрии, Великобритании, Пруссии и России) на послевоенный период.

Здесь вновь мы сталкиваемся с тем же психологическим моментом, как и в начале Вестфальского порядка: ощущение людей того времени себя “по ту сторону большой войны” – жителями нового мира, созданного Наполеоновскими войнами (“Второй Тридцатилетней войны”). В державах-победительницах (Австрии, Великобритании и России) была установлена серия официальных монументов минувшей войне. На официальном уровне все радикально-левые идеологии выступали “абсолютным злом”, “крамолой” с точки зрения Венского порядка. Но параллельно в европейской культуре возникла волна “наполеонизма” – восхищения фигурой Наполеона I как форма политического протеста. Он был популярен у итальянских, польских, ирландских революционеров, французских радикалов – всех, кто требовал пересмотра границ, установленных Венским конгрессом. Напротив, монархи держав-победительниц видели в наполеонизме форму покушение на основы существовавшего порядка.

На первом этапе (до революций 1848 г.) Венский порядок стал временем “долгого мира” в Европе. “В период между Венским конгрессом и революциями 1848 года новая война Франции против Европы была единственной, которую имели в виду стратеги”, – писал английский историк А.Дж. Тэйлор [30, с. 51]. Зато на периферии Наполеоновские войны повлекли за собой длинный “шлейф” вооруженных конфликтов в Латинской Америке: оккупация французами Испании и Португалии привела к войнам (по современной классификации – конфликтам) за независимость их латиноамериканских колоний.

Военные конфликты этого “долгого мира” сводились к трем типам:

- 1) интервенции великих держав в страны, охваченные внутренними кризисами, с целью восстановления легитимных режимов;
- 2) борьба с радикальными национальными движениями, которые создавали иррегулярные армии инсургентов;
- 3) ведение опосредованных конфликтов на периферии, где за спиной тех или иных субъектов стояли ведущие державы.

⁶ Так, в Отечественной войне 1812 г. Франция и ее союзники выставили по разным оценкам 610-685 тыс. солдат, Россия также около 600 тыс. чел. В Войне шестой коалиции (1813–1814) Французская империя выставила 440 тыс. солдат, а противостоящая им коалиция – более 500 тыс., из которых были 175 тыс. русских, 170 тыс. пруссаков, 110 тыс. австрийцев и 18 тыс. шведов.

В этот период происходит настоящий триумф того явления, которое политологи часто связывают с холодной войной: вытеснение конфликтности на периферию. Соперничество великих держав выливалось в локальные конфликты на Пиренейском и Апеннинском полуостровах без прямого объявления войны друг другу. Между Россией и Великобританией начинается “большая игра” – соперничество на широком пространстве от Кавказа до Японии. Большая игра вернула “гибридную войну”, когда стороны, не вступая в прямую конфронтацию и даже внешне сохраняя партнерские отношения, поддерживают противников друг друга в Персии, на Кавказе, в Китае [44; 45]. Еще более серьезный узел конфликтов завязывался вокруг “восточного вопроса” – борьбы за раздел слабеющей Османской империи.

Эта ситуация была связана во многом с особенностью распределения силовых потенциалов. Россия и Великобритания – два новых антагониста Венского порядка – были малоуязвимы друг для друга и не имели технической возможности вести прямой конфликт друг с другом. Франция постепенно переходила к устойчивому партнерству с Великобританией (феномен “первой Антанты”), Россия сохраняла союзнические отношения с Австрией и Пруссией, заняв привилегированное положение в германских делах. Такой расклад сил делал невозможной большую наземную войну в Европе, зато повысил значимость войны экспедиционными силами⁷. *Война «малыми силами» снова стала рассматриваться как ключевой компонент военной стратегии.*

На втором этапе Венского порядка ограниченные войны вернулись как составная часть отношений между европейскими государствами. Революции 1848 г. возобновили в Европе военные конфликты по национальным проблемам, какими были, например, Первая датско-германская (1848–1850) и Австро-пьемонтская война (1848–1849). В последующих войнах стороны декларировали ограниченные задачи, стремясь принудить противника к компромиссу. В Крымскую войну (1853–1856) Великобритания и Франция стремились уничтожить русский черноморский, а в идеале и балтийский флот, включая их базы. Война Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г. была ограниченным применением силы с целью изгнания австрийцев из Ломбардии. Во Второй датско-германской войне (1864) Пруссия и Австрия стремились изгнать датчан из Шлезвига и Голштейна, в Австро-прусской войне (1866) пруссаки и вовсе ограничились изгнанием Австрии из институтов “германского мира”. Соответственно, войны велись преимущественно на локальных ТВД: Крымская война была набором силовых демонстраций на отдаленных от основной Европы Черном и Азовском морях, в южном Закавказье, на Балтийском и Белом морях; войны Пруссии против Дании и Австрии были кратковременными конфликтами в пограничных регионах.

В ходе войны стороны использовали только часть имевшихся в их наличии вооруженных сил. В 1855 г. Россия задействовала на главном ТВД в Западном Крыму около 85 тыс. чел. (из них 48 тыс. при обороне Севастополя), союзники (англичане, французы, турки и сардинцы) – около 175 тыс. В битве при Сольферино (современная Италия) 24 июня 1859 г. союзники выставили 118 тыс. 600 чел. (93 600 французов и 25 000 сардинцев), австрийцы – 119 783 солдата. В крупнейшей битве Австро-прусской войны при Садовой 3 июля 1866 г. пруссаки задействовали 221 тыс. чел. при 924 орудиях, австрийцы – 214.1 тыс. солдат (184.1 тыс. австрийских и 30 тыс. саксонских).

Любопытные примеры войн мы видим в этот период вне Европы. После принудительного открытия Японии коалиция западных держав (Великобритания, Франция, США, Нидерланды) попытались вмешаться с помощью локальных силовых акций в ее внутреннюю политику. В Западном полушарии развернулась серия тотальных войн на ограниченных ТВД – Великая война (1845–1852), Гражданская война в США (1861–1865), Парагвайская (1864–1870), ставкой в которых выступало само существование определенного режима. Гражданская война в США уже видит борьбу миллионных армий

⁷ В Первой англо-афганской войне (1838–1842) Великобритания задействовала, например, 10 тыс. линейной пехоты, 1500 тяжелых кавалеристов и 5 тыс. иррегулярных афганских формирований при 200 орудиях. В Первой опиумной войне (1840–1842) англичане добились успеха выставили экспедиционные силы около 5 тыс. чел. при поддержке флотилии из 40 кораблей против 90 тыс. китайцев. Россия в Русско-персидской войне (1826–1828) выставила около 10 тыс. чел. против 35 тыс. персов, а в Русско-турецкой войне (1828–1829) – по разным оценкам около 100-150 тыс. чел., то есть примерно 1/7 часть своей армии.

(2.129 млн северян против 1 млн южан) и ряд технических новинок вроде широкого использования магазинных винтовок. В каком-то смысле это была репетиция будущих тотальных войн XX в., апробация их стратегии.

Вершиной и тупиком этого периода стали войны 1870-х годов. Во Франко-прусской войне (1870) обе стороны выдвинули на фронт крупные силы: к 1 августа 1870 г. германское командование сосредоточило на французской границе около 490 тыс. чел., в то время как французы – около 260 тыс., к которым затем добавилась 120 тыс. Шалонской армии. Россия направила на фронт около 335 тыс. солдат (около 185 тыс. на Балканский и около 150 тыс. на Кавказский ТВД) против 281 тыс. турецкой армии (около 200 тыс. на Балканском и 70 тыс. на Кавказском ТВД). Однако результат обеих войн еще укладывался в парадигму ограниченной войны. По условиям Франкфуртского мира 18 мая 1871 г. участники еще не выходили за рамки концепции ограниченной войны: Франция теряла Эльзас и Восточную Лотарингию, выплачивала 5 млрд контрибуции, что было вполне компромиссными условиями. Условия Сан-Стефанского мирного договора создавали серию славянских государств на Балканах, однако Берлинский трактат 1878 г. частично (хотя и не радикально) сокращал результаты русской победы, сохраняя европейские владения Османской империи. *Итоги Франко-прусской и Русско-турецкой войн доказывали, что парадигма ограниченных войн в Европе во многом исчерпана: будущая война великих держав станет уже тотальной.*

Третий этап Венского порядка стал подготовкой к новой тотальной “Тридцатилетней войне”. На политическом уровне это был период “долгого мира”, в рамках которого происходило оформление противоборствующих военно-политических союзов (Антанты и Тройственного союза), а также выход на международную арену неевропейских держав ревизионистов – Японии и США. Такое переформатирование Европы – создание австро-германского и франко-русского альянсов – впервые после Наполеоновских войн делало возможным крупный военный конфликт. Мы видим уже резкое увеличение численности армия великих держав до почти миллионных значений.

Таблица 1. Численность вооруженных сил великих держав (1880–1914), млн чел.

	1880	1900	1914
Россия	0.791	1.162	1.352
Франция	0.543	0.715	0.910
Германия	0.426	0.524	0.891
Великобритания	0.367	0.624	0.532
Австро-Венгрия	0.246	0.385	0.444
Италия	0.216	0.255	0.345
Япония	0.071	0.234	0.306
США	0.034	0.096	0.164

Источник: Сухопутные и военно-морские силы держав в 1880-1914 годах⁸.

В такой политической атмосфере европейская военная мысль стала закономерно развивать теорию тотальной войны. Основы ее заложил еще К. фон Клаузевиц, обосновавший необходимость быстрого разгрома противника. Но окончательно эта теория была развита его учеником – немецким военным стратегом Хельмутом фон Мольтке старшим (1800–1891), осуществившем свои реформы на практике [46] в 1860-х гг. через:

- введение принципа общей воинской обязанности, то есть мобилизации мужчин определенного возраста для службы по призыву в мирное время и вступления в армию в случае войны;
- создание корпуса профессиональных штабных офицеров, задачами которых было планирование военных действий;
- развитие инфраструктуры, прежде всего сети железных дорог, для быстрой

⁸ Сухопутные и военно-морские силы держав в 1880-1914 годах. Available at: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1045> (accessed 08.07.2022).

- мобилизации и передвижения войск;
- внедрение системы массового патриотического воспитания как основы школьного образования.

Новая стратегия формировалась под действия миллионными армиями, что само по себе требовало широких географических ТВД. Возникал вопрос о совершенствовании мобилизационных возможностей великих держав, что требовало ускорения развития железнодорожной сети, телеграфа, а позднее и радиосвязи. Одновременно с этим прогресс физики создал предпосылки для совершенно новых типов вооружения – от авиации до механизации, что предопределило облик армий XX в.

В локальных войнах на периферии уже происходила отработка технологии будущих тотальных войн. В Англо-бурской войне (1899–1902) британское командование впервые применило тактику ведения армейских операций по всему фронту, задействовав разнообразные рода войск, имеющих общий замысел и цель. В Русско-японской войне (1904–1905) сформировалось понятие сплошного фронта как оборонительного рубежа значительной протяженности. Многократно возросшая плотность огня заставила военных теоретиков пересмотреть концепции ведения боя: великие державы отказались от сомкнутых пехотных построений, отдав предпочтение рассредоточенным стрелковым цепям. В Балканских войнах 1912–1913 гг. и вовсе уже отработывались действия боевой авиации, что сделало их непосредственным прологом к мировым войнам..

В духовном климате Европу охватывает волна национализма и даже шовинизма, немислимая в предыдущий период. Французский “свирепый реваншизм” после войны 1870 г., немецко-австрийский пангерманизм, русский панславизм, завязанный на балканские проблемы, – все это были однотипные явления, свидетельствующие о кризисе легитимности мирового порядка. Симптомом этой тенденции стали охватившие Европу грандиозные празднества побед в ограниченных войнах: Франко-прусской, Русско-турецкой или французских колониальных экспедициях. (Как писал А.А. Блок в поэме “Возмездие”: “Горохом сыплется ура, // И Забалканский, и Сенная // Кишат полицией, толпой, // Крик, давка, ругань площадная..”). Сами по себе эти войны не были однозначными победами, кардинально меняющими соотношение сил. Но эти празднества хорошо демонстрировали растущий запрос европейских обществ на новую большую победу, сопоставимую с Наполеоновскими войнами. Для поколения 1890-х гг. они стали уже просто историей, что порождало запрос на новую большую победу, легитимизируя и мировой порядок, и внутривнутриполитические системы великих держав.

“Третья тридцатилетняя война” (1914–1945), которую мы обозначаем как мировые войны XX в., завершила длительный цикл “от Вены до Сараево”. Подобно двум предшествующим, новая “Тридцатилетняя война” была не единым конфликтом, а серией войн, разделенных мирными договорами и попытками промежуточного урегулирования, обозначенных в современной науке как Версальско-Вашингтонский порядок. Политически обе мировые войны стали результатом разложения Венского порядка баланса сил: вовсе не случайно, что в обеих мировых войнах составы коалиций были очень близки друг другу. С военной точки зрения мировые войны XX в. также скорее завершали предшествующую эпоху, чем начинали новую. Они реализовали идейный пул второй половины XIX в.: война крупными массами при максимальной концентрации огневой мощи, включая авиационную. Военное искусство при этом шло по пути непрерывного наращивания огневой мощи (включая воздушную мощь), что логично завершилось созданием ракетного и атомного оружия.

Эти массовые армии позволили окончательно сломать мир баланса сил, открыв дорогу новому порядку. По итогам Второй мировой войны были окончательно ликвидированы распределение силовых потенциалов и правила межгосударственного взаимодействия, установленные по итогам Наполеоновских войн, то есть предыдущей “Тридцатилетней войны”.

ВОЙНЫ ЯЛТИНСКОГО ПОРЯДКА

Военный цикл нашего Ялтинско-Потсдамского (Ялтинского) порядка, установленного державами-победительницами в 1945 г., пока повторяют путь развития Вестфальского и Венского порядков. Державы-победительницы установили свою иерархию и систему международного права через механизм ООН, выступавшей опорой международной безопасности. Последнее означало не что иное, как признание незыблемости того распределения силовых потенциалов и той правовой системы, которые возникли по итогам Второй мировой войны. Устав ООН, принятый в 1945 г., сразу ввел три новых базовых правила нового порядка: признание равенства народов и рас, гарантии безопасности всем суверенным странам и ограничение суверенного права государств на ведение войны. Эти условия стали по сути формальными правилами межгосударственного взаимодействия в новом мировом порядке.

Как и после Наполеоновских войн, люди нового порядка психологически ощущали себя “по ту сторону” большой войны. Во всех державах-победительницах возник особый дискурс подачи Второй мировой войны как последней большой войны в истории, опиравшийся на три компонента. Первый – обилие официальных монументов, создающих образ трудной, но великой победы добра над злом. Второй – формирование культуры военного трагизма и катастрофичности понесенных потерь. Третий – катастрофизм в восприятии роли ядерного оружия и популяризация тезиса (правда, не доказанного) о невозможности достижения победы в так называемой ядерной войне. Отсюда проистекало популярное представление о начале нового этапа мировой истории после Второй мировой войны. Все это в полной мере соотносилось и с представлениями людей XIX в. о Наполеоновских войнах как о последней “великой войне” в истории, и с представлениями просветителей XVIII в. о необходимости “вечного мира”.

На эту тенденцию работало еще одно значимое обстоятельство: после Второй мировой войны в мире отмирал институт формального объявления войны. Это было связано с его ограничением в Уставе ООН, допускавшим объявление войны только в порядке самообороны. Ограниченные войны при этом спокойно велись, существуя под вывеской “региональный конфликт”, что позволяло обходить положения Устава ООН. Но отсутствие формального объявления войн порождало иллюзию, что в мире больше нет полноценных войн, а мы живем в “долгом мире”. Хотя в действительности по количеству участников, интенсивности военных действий эти региональные конфликты не уступали по масштабам и задействованным средствам ограниченным войнам XIX в.

На первом этапе в Ялтинско-Потсдамском порядке, как и в предшествующих, произошло снижение больших гегемонистских целей сверхдержав до локальных задач. Вторая мировая война, подобно Наполеоновским и Тридцатилетней, породила шлейф конфликтов на периферии. Их содержанием были разрушение Британской и Французской империй, а также конфликты между государственными образованиями. Эти конфликты разомкнулись в антиколониальную борьбу, в ходе которой руководители США и СССР совместными усилиями понизили роль Великобритании и Франции в новом мировом порядке.

Прямая наземная война между сверхдержавами была при этом затруднена технически: географической удаленностью СССР и США друг от друга, которая влекла за собой нервозность поддерживать крупные военные операции в другом полушарии Земли. У сторон были также разные военные приоритеты: у СССР было тотальное превосходство на суше, у США и Великобритании на море, что делало стороны мало уязвимыми друг для друга. Единственно возможной становилась война экспедиционными силами на периферии, что во многом воспроизводило российско-британскую “большую игру”.

Военная стратегия сверхдержав, прикрываясь “ядерным патом”, совершила резкий переход от концепции войны тотальной к концепции ограниченной войны. Уже во второй половине 1950-х гг. в США Генри Киссинджер (будущий помощник президента по национальной безопасности и госсекретарь), а также эксперты Герман Кан и Роберт Осгуд [47] разработали доктрину ограниченной ядерной войны: возможность ограниченного

применения ядерного оружия на одном или нескольких ТВД. Еще большее воздействие на западную стратегию оказала работа британского стратега Бэзила Лиддел-Гарта (1895–1970) “Стратегия непрямых действий” (1954) о достижении превосходства посредством серии локальных побед на отдельных ТВД, достигаемых через подставные режимы [48; 49; 50]. (По логике: мы говорим, что нанесли поражение Южной Корее, но подразумеваем США). Эти наработки суммировала принятая в 1961–1962 гг. американская стратегия “гибкого реагирования”, постулировавшая возможность ограниченного применения силы (включая ядерное оружие) в различных конфликтах [51]. Соответственно “победа” в рамках концепции гибкого реагирования стала вновь означать принуждение противника к невыгодному ему компромиссу или достижению стратегической ничьи с противником.

Похожие изменения происходили и в советской стратегии. Официально Советский Союз отрицал американскую доктрину гибкого реагирования. “Концепция ограниченной ядерной войны считалась в советской военной теории несостоятельной, так как удержать ядерную войну в каких-либо заранее определенных рамках практически невозможно”, – указывалось в “Военном энциклопедическом словаре” 1983 г. [52] Но в то же время советские стратеги этого периода (С.П. Иванов, В.Г. Куликов, А.А. Гречко, Д.Ф. Устинов, И.Г. Павловский) выделяли пять типов возможных конфликтов: 1) скоротечная полномасштабная ядерная война; 2) продолжительная ядерная война с использованием всех типов вооруженных сил; 3) большая война с применением ограниченного количества ядерного оружия; 4) большая война с применением обычного оружия; 5) локальная война с применением обычного оружия [53; 54]. Это означало допустимость принятия компромиссного результата войны как победы в ограниченной войне без применения ядерного оружия.

На практике сверхдержавы вновь вернулись к локальным войнам малыми силами. В Корейской войне (1950–1953) США задействовали по разным оценкам от 303 до 480 тыс. чел., СССР – около 28-30 тыс. Во Второй Индокитайской войне (1964–1975) США первоначально держали в Южном Вьетнаме около 23 тыс. военнослужащих, а к 1969 г. нарастили свои силы до 543 тыс. чел. на ротационной основе. При бомбардировках Ливии 1986 г. (операция “Каньон эльдорадо”) США задействовали примерно 24 бомбардировщика *F-111F* (три группы по шесть и шесть в резерве), пять самолетов радиоэлектронной борьбы *EF-111A*. Советский Союз в Афганской войне (1979–1989) использовал 80-104 тыс. военнослужащих на ротационной основе. Региональные войны также доказывали превосходство небольших профессиональных армий над громоздкими и неповоротливыми вооруженными силами⁹. Вновь, как и в начале Вестфальского или Венского порядков, возродилось искусство ведения ограниченной войны малой и средней интенсивности.

Второй этап Ялтинского порядка, начавшийся с 1991 г., стал временем возрождения ограниченных войн. Распад социалистического содружества и СССР в 1989–1991 г. стал в известном смысле аналогом европейских революций 1848 г. для Венского порядка. Начавшись под демократическими лозунгами, они вернули к жизни мощные националистические движения, породив серию вооруженных конфликтов. Возник феномен более интенсивных региональных конфликтов – Приднестровского (1991–1992), Нагорно-Карабахского (1991–1994), Абхазского (1992–1994), Сербо-Хорватского (1991–1995), которые вполне можно было квалифицировать как полноценные региональные войны¹⁰. В каком-то смысле они позволили выйти из “стратегического пата”, сложившегося в рамках системы взаимного ядерного сдерживания: войны, возникающей из распада великой державы.

⁹ В Шестидневной войне 1967 г. у Израиля было 264 тыс. (из них 214 тыс. резервистов), около 300 самолетов и около 1000 танков; у противостоящей ему “арабской коалиции” Египта и Сирии – 547 тыс. чел., 957 боевых самолетов и 2504 танков. В Китайско-вьетнамской войне 1979 г. 60-100 тыс. вьетнамцев победили 200-400 тыс. (по различным оценкам). В Фолклендской 1982 г. Британия задействовала 7 тыс. солдат наземных сил, Аргентина – 13 тыс.

¹⁰ В ходе Первой операции в Чеченской республике (1994–1996) на декабрь 1994 г. российские силы насчитывали 21 тыс. чел., в феврале 1995 г. – 70.5 тыс. В XIX в. такой конфликт был бы квалифицирован как “война” [55].

Середина периода существования Ялтинского порядка проходит под знаком интенсификации военных конфликтов – точно так же, как это было при Вестфальском и Венском порядках. Соединенные Штаты, провозгласив в 1990 г. курс на построение нового мирового порядка, на протяжении последних 30 лет пытались его реализовывать. Старая модель оборонительного сдерживания для построения такого порядка не годилась – нужно было приспособить ее под новое, наступательное сдерживание. Американские эксперты обозначили его термином “принуждение” (*compellence*). Параллельно с этим великие державы начали отработку технологии нового типа войн: “принуждения к миру” (*peace-enforcement operations*) – за счет права великих держав вводить войска и вести военные действия в странах, переживающих кризис государственности. Первая (1990–1991) и Вторая (2003–2011) войны в Персидском заливе, военные операции НАТО в Боснии (1995), Югославии (1999) и Ливии (2011) стали примерами нового типа войн-наказаний неугодных политических режимов.

Тенденция к американской монополии на применении силы встретила сопротивление со стороны России, КНР, ряда региональных держав и даже некоторых стран ЕС, которые выступали за сохранение основ Ялтинско-Потсдамского порядка. Результатом стала серия военно-политических кризисов, которые несли риск прямого военного конфликта США с Россией и КНР. Конфликты вокруг Грузии (2008), Украины (2014) и Сирии (2011–2018) поставили вопрос о том, могут ли великие державы напрямую столкнуться на территории подобных государств. Эти войны по-прежнему велись ограниченными силами и на ограниченных ТВД, демонстрируя успехи создания небольших высокомобильных армий в противовес крупным призывным армиям.

Как и в предшествующем порядке, на этапе ограниченных войн происходит проработка технологии нового типа ограниченной войны. Военная мысль занялась совершенствованием концепции “воздушной мощи”. Широкое применение США крылатых ракет и авиации во время Первой войны в Персидском заливе (1990–1991) привело к распространению представлений о “революции в военном деле”. Управление оценок Министерства обороны США определило ее в 1999 г. как “военную и техническую революцию, позволяющую применять технические нововведения в системе организации разведки, управления, контроля и связи” [56]. Основным средством для достижения намеченных задач должно было стать широкое использование спутников, крылатых ракет и самонаводящихся авиабомб, достигающих целей с помощью в том числе авиационных средств доставки. Не менее значимой стала параллельная разработка концепции “противовоздушной мощи”: способности отразить воздушное наступление и вернуть войну “на землю” [57]. Успехи российских ПВО поставили вопрос о возможности частичной блокировки противника в использовании воздушной сил.

Военные операции в Сирии (2011–2018) и на Украине (2022), возможно, являются поиском новой модели ведения войны, в которой великие державы ведут военные действия на локальных ТВД. Такие операции выступают своеобразной антитезой “Странной войне” 1939 – середины 1940 гг. Тогда великие державы Европы объявили друг другу войну, но не вели военные действия; теперь великие державы ведут военные действия, но формально не объявляют войну.

Будущее Ялтинского порядка пока остается неопределенным. Однако очевидно, что на новом витке он повторяет логику развития Вестфальского и Венского порядков. Делая прогноз на будущее, можно предположить, что нас будет ожидать некий масштабный, хотя и ограниченный по целям, военный конфликт, аналог Семилетней войны для Вестфальского и Франко-прусской – для Венского порядков. После этой войны – вершины и тупика ограниченных войн – может наступить затишье, в ходе которого начнется подготовка к будущей борьбе за гегемонию. Сегодня нам трудно представить, что в будущем появятся режимы-ревизионисты, которые пожелают смести привычный нам Ялтинско-Потсдамский порядок. Но точно так же конец соответствующего мирового порядка было трудно представить современникам и очевидцам Вестфальского и Венского порядков. В периоды их расцвета в общественной атмосфере царили, как и сейчас, идеи отмирания войн и представления о будущем как веке прогресса.

Вероятная “Четвертая тридцатилетняя война” не обязательно будет копией Второй мировой войны или выкладками на тему ядерного апокалипсиса 1980-х годов.. Она может сочетать в себе “стратегию измора” противника с интенсивными военными действиями на определенном ТВД. Опыт Второй мировой войны доказал, что великие державы могут вести тотальную войну без применения оружия массового поражения. Возможно, эта война будет напоминать войны “вертикальной эскалации” раннего Нового времени, а не “горизонтальной эскалации” мировых войн XX в.

* * *

Циклизм войн связан с логикой саморазвития мировых порядков. Каждый из них проходит несколько этапов развития, в которых война играет разную роль. В начале его существования отмечается переход от больших стратегических целей к локальным политическим задачам, от периода тотальных войн – к локальным столкновениям. К середине своего существования порядок вступает в этап интенсификации ограниченных войн, вырабатывая новый их тип. Далее наступает этап подготовки к новой тотальной войне и ее постепенная апробация на периферии. Наконец, мировой порядок завершается тотальной «тридцатилетней войной», которая ведет к его слому и созданию нового.

Идеология современного мирового порядка построена на идее о том, что Вторая мировая – это последняя большая война в истории человечества. Однако такая же идеология лежала в основе Вестфальского и Венского порядков. Наши идеологические баталии вокруг наследия Второй мировой войны мало чем отличаются от баталий вокруг наследия Тридцатилетней и Наполеоновских войн. Все мировые порядки прошли путь от одной тотальной тридцатилетней войны до другой, которая завершила их существование. Возможно, будущий конфликт отделит наш мир от будущего мира подобно тому, как Первая мировая сделала для нас Венский мир во многом иной и уже не всегда понятной цивилизацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кортунув А.В. Реставрация, реформация, революция? Сценарии мироустройства после российско-украинского конфликта. Рабочая тетрадь № 66. РСМД, 29.04.2022. [Kortunov A.V. Restoration, Reformation, Revolution? Blueprints for the World Order after the Russia-Ukraine conflict. Working Paper no. 66. RIAC, 29.04.2022. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/restavratsiya-reformatsiya-revolyuetsiya-stsenarii-miroustroystva-posle-rossiysko-ukrainskogo-konflik/> (accessed 22.10.2022).
2. Calcara A., Gilli A., Gilli M., Marchetti R., Zaccagnini I. Why Drones Have Not Revolutionized War: The Enduring Hider-Finder Competition in Air Warfare. *International Security*, 2022, vol. 46, no. 4, pp. 130-171. DOI: 10.1162/isec_a_00431
3. Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы. Москва, КРАСАНД, 2009. 208 с. [Kokoshin A.A. Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions. Moscow, KRASAND. 2009, 208 p. (In Russ.)]
4. Фененко А.В. Как возвращаются войны? РСМД, 15.05.2020. [Fenenko A.V. How Do Wars Come Back? RIAC, 15.05.2021. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kak-vozvrashchayutsya-voyny/> (accessed 22.10.2022).
5. Клаузевиц К. фон. О войне. Москва, Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1937. Т. 1. 441 с. [Clausewitz C. von. On War. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo narkomata oborony Soyuzsa SSR, 1937. Vol. 1. 441 p. (In Russ.)]
6. Клаузевиц К. фон. О войне. Москва, Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1937. Т. 2. 560 с. [Clausewitz C. von. On War. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo narkomata oborony Soyuzsa SSR, 1937. Vol. 2. 560 p. (In Russ.)]
7. Wright Q. *A Study of War*. Vol. I. Chicago, University of Chicago Press, 1942. 956 p.
8. Toynbee A. *A Study of History*. Vol. 9. Oxford, Oxford University Press, 1954. 759 p.
9. Goldstein J.S. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. London, New Haven, Yale University Press, 1988. 433 p.
10. Thompson W.R. Cycles, Capabilities and War: An Ecumenical View. *Contending Approaches to World System Analysis*. Thompson W.R. (ed.). Beverly Hills, Sage, 1983, pp. 141-163.
11. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Москва, ИМЭМО, 2002. 390 с. [Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaleva M.A. *Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations*. Moscow, NOFMO, 2002. 390 p. (In Russ.)]

12. Кондратьев Н.Д. *Проблемы экономической динамики*. Москва, Экономика, 1989. 523 с. [Kondrat'ev N.D. *Problems of Economic Dynamics*. Moscow, Ekonomika, 1989. 523 p. (In Russ.)]
13. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. *Длинные волны в экономике*. Москва, Международные отношения, 1989. 272 с. [Men'shikov S.M., Klimenko L.A. *Long Waves in the Economy*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989. 272 p. (In Russ.)]
14. Пантин В.И., Айвазов А.Э. Циклы Кондратьева и эволюционные циклы мировой системы: обновление и прогностический потенциал. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы*, 2012, № 1, сс. 136-155. [Pantin V.I., Aivazov A.E. Kondratiev's Cycles and Evolutionary Cycles of the World System: Justification and Prognostic Potential. *Kondrat'evskie volny: aspekty i perspektivy*, 2012, no. 1, pp. 136-155. (In Russ.)]
15. Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика. *Полис. Политические исследования*, 1996, № 3, сс. 27-55. [Tsymburskii V.L. Ultra-Long War Cycles and World Politics. *Polis. Political Studies*, 1996, no. 3, pp. 27-55. (In Russ.)]
16. Райт К. Некоторые размышления о войне и мире. *Теория международных отношений: Хрестоматия*. Цыганкова П.А., ред. Москва, Гардарики, 2002, сс. 384-398. [Rait K. Some Reflections on War and Peace. *Theory of International Relations: A Reader*. Tsygankova P.A., eds. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 384-398. (In Russ.)]
17. Wallerstein I. Three Hegemonies. *Two Hegemonies: Britain, 1846-1914 and the United States, 1941-2001*. O'Brien P.K., Klesse A., eds. Aldershot, Ashgate, 2002, pp. 357-361.
18. Devezas T., Modelski G. The Portuguese as System-Builders. Technological Innovation in Early Globalization. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. Modelski G., Devezas T., Thompson W.R., eds. New York, Routledge, 2007, pp. 30-57.
19. Devezas T.C., Modelski G. Power Law Behaviour and World System Evolution: A Millennial Learning Process. *Technological Forecasting and Social Change*, 2003, vol. 70, no. 9, pp. 819-859.
20. Richardson L.F. *Statistics of Deadly Quarrels*. London, Stevens, 1960. 373 p.
21. Krus D.J., Nelsen E.A., Webb J.M. Recurrence of War in Classical East and West Civilizations. *Psychological Reports*, 1998, no. 83, pp. 139-143.
22. *The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I: From Early Times to c. 1800*. Tarling N., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 655 p.
23. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York, Columbia University Press, 2012. 368 p.
24. Allan B.V. *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 338 p.
25. Bell P.M.H. *The Origins of the Second World War in Europe*. New York, Longman, 1987. 326 p.
26. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990. 808 с. [Weber M. *Selected Works*. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (In Russ.)]
27. Habermas J. *Between Facts and Norms*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1996. 676 p.
28. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. Москва, АСТ, 2015. 511 с. [Kissinger H. *World Order*. Moscow, AST, 2015. 511 p. (In Russ.)]
29. Сорокин П. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины жизни, права и общественных отношений*. Санкт-Петербург, Изд. Росийского христианского гуманитарного ин-та, 2000. 1054 с. [Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Saint-Petersburg, Izd. Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. 1054 p. (In Russ.)]
30. Тэйлор А.Дж.П. *Борьба за господство в Европе. 1848-1918 гг.* Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. 852 с. [Taylor A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958. 852 p. (In Russ.)]
31. Waltz K.N. The Stability of the Bipolar World. *Daedalus*, 1964, vol. 13, pp. 849-869.
32. Miller L. *Global Order: Value and Power in International Politics*. London, Westview Press, 1994. 226 p.
33. Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А., ред. Москва, НОФМО, 2002, сс. 172-189. [Kosolapov N.A. Conflict as an Instrument of Stability in International Relations. *Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations*. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaleva M.A., eds. Moscow, NOFMO, 2002, pp. 172-189. (In Russ.)]
34. Roy K. *Warfare in Pre-British India - 1500 BCE to 1740 CE*. Oxon, Routledge, 2015. 280 p.
35. Огарков Н.В. *Сплошной фронт. Советская Военная Энциклопедия*. Москва, Воениздат, 1979. Т. 7. 688 с. [Ogarkov N.V. A Long Fortified Front. *The Soviet Military Encyclopedia*. Moscow, Voenizdat, 1979. Vol. 7. 688 p. (In Russ.)]
36. Сергеев В.М., Цымбурский В.Л., Кокошин А.А. Эволюция фразеологии «победы» в советской военной доктрине. *Век XX и мир*, 1991, № 12. [Sergeev V.M., Tsymburskii V.L., Kokoshin A.A. Evolution of the Phraseology of 'Victory' in the Soviet Military Doctrine. *Vek XX i mir*, 1991, no. 12. (In Russ.)] Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=546210&p=1> (accessed 22.10.2022).
37. Ольденбург С.С. *История царствования Николая II. Ростов-на-Дону*, 1998. 576 с. [Oldenburg S.S. *The Reign of Emperor Nicholas II*. Rostov-on-Don, 1998. 576 p. (In Russ.)]
38. Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. Москва, Юрист, 1994. 700 с. [Mannheim K. *A Diagnosis of Our Time*. Moscow, Yurist, 1994. 700 p. (In Russ.)]
39. Ивонин Ю.Е. Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов? *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*, 2018, т. 4, № 2, сс. 142-157. [Ivonin Yu.E. The Thirty Years' War or an Intertwining of Conflicts? *Proslogion: Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 142-157. (In Russ.)]

40. Разин Е.А. *История военного искусства, в 3-х томах.* Санкт-Петербург, ООО "Издательство Полигон", 1999. Тт. 2-3. 1389 с. [Razin E.A. *History of Military Art, 3 vol.* ООО 'Izdatel'stvo Poligon', 1999. Vol. 2-3. 1389 p. (In Russ.)]
41. Дельбрюк Г. *История военного искусства в рамках политической истории: в 4 томах.* СПб.: Наука, 2001. [Delbruck, H. *History of the Art of War: Within the Framework of Political History, 4 vol.* Saint-Petersburg, Nauka, 2001. (In Russ.)]
42. Фененко А.В. *История международных отношений: 1648 – 1945: Учеб. пособие. 2-е изд.* Москва, Аспект Пресс, 2020. 800 с. [Fenenko A.V. *History of International Relations: 1648–1945: Textbook. 2nd ed.* Moscow, Aspekt Press, 2020. 800 p. (In Russ.)]
43. Патрушев А.И. *Германская история: сквозь тернии двух тысячелетий.* Москва, Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с. [Patrushev A.I. *German History: Through the Thorns of Two Millennia.* Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2007. 704 p. (In Russ.)]
44. Сергеев Е. Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.* Москва, Товарищество научных изданий КМК, 2012. 453 с. [Sergeev E. Yu. *The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia.* Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. 453 p. (In Russ.)]
45. Ewans M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia: Confrontation and Negotiation, 1865–1895.* London, Routledge, 2012. 200 p.
46. Bucholz A. *Moltke and the German Wars 1864–1871.* New York, Palgrave MacMillan, 2001. 240 p.
47. Kissinger H. *Nuclear Weapons in Foreign Policy.* New York, Harper far Council on Foreign Relations, 1957. 358 p.
48. Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. *Энциклопедия военного искусства.* Переслегин С., ред. Москва, АСТ, 2003. 656 с. [Liddell Garth B.G. Strategy for Indirect Action. *Encyclopedia of Military Art.* Pereslegin S., eds. Moscow, AST, 2003. 656 p. (In Russ.)]
49. Osgood R. *Limited War: The Challenge to American Strategy.* Chicago, University of Chicago Press, 1957. 315 p.
50. Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios.* New York, Praeger, 1965. 308 p.
51. George A., Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice.* New York, Columbia University Press, 1974. 666 p.
52. *Военный энциклопедический словарь.* Москва, Воениздат, 1983. 863 с. [*Military Encyclopaedic Dictionary.* Moscow, Voenizdat, 1983. 863 p. (In Russ.)]
53. Гречко А.А. *Вооруженные Силы Советского государства.* Москва, Воениздат, 1974. 405 с. [Grechko A.A. *The Armed Forces of the Soviet State.* Moscow, Voenizdat, 1974. 405 p. (In Russ.)]
54. Павловский И.Г. *Сухопутные войска СССР. Зарождение. Развитие. Современность.* Москва, Воениздат, 1985. 318 с. [Pavlovskii I.G. *Land Forces of the USSR. Conception. Development. Modernity.* Moscow, Voenizdat, 1985. 318 p. (In Russ.)]
55. *Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил.* Кривошеев. Г.Ф., ред. Москва, ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с. [*Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces.* Krivosheev. G.F., eds. Moscow, OLMA-PRESS, 2001. 607 p. (In Russ.)]
56. Hundley R.O. *Past Revolutions Future Transformations: What Can the History of Revolutions in Military Affairs Tell Us about Transforming the U.S. Military?* RAND Corporation, 1999. 124 p. Available at: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1029.html (accessed 05.07.2022).
57. Веселов В.А., Фененко А.В. Противовоздушная мощь в мировой политике. *Международные процессы*, 2019, т. 17, № 2 (57), сс. 19-42. [Veselov V.A., Fenenko A.V. 'AIR Power' in International Politics. *International Trends*, 2019, vol. 17, no. 2 (57), pp. 19-42. (In Russ.)]